

Половецкие каменные идолы "балбалы"

От Дуная до Иртыша раскинулась бескрайняя однообразная Великая степь. Дешт-и-Кипчак — называли половцы свою землю, а себя — кипчаками. И до них, и после них степь давала приют многим народам, вбирала в себя самые разные и яркие культуры, впитывала кровь и мечи завоевателей. В XI веке половцы вытеснили печенегов, а в XIII веке уступили монголо-татарам.

Кочевники приходили и уходили, а свобода никогда не менялась на золото и власть. Что за таинственная сила поднимала народы и вела их в бескрайнюю даль? Помогала терпеть лишения и неудобства, закаляла, делала сильнее? Надежда на лучшее, жажда наживы или просто дорога? Степь уходила в небо, чтобы богам легче было спускаться, а мертвым — подниматься.

Азербайджанский поэт Низами с большим уважением и вниманием относился к половецкой культуре, как-никак, а жена — половчанка. Именно он, в который раз пересекая Великую степь и наблюдая за жертвоприношениями половцев каменным истуканам, обессмертил их в поэтических строках:

Изваянем таинственным, в годах былых,
Был опущен покров на красавиц степных.
И теперь в тех степях, за их сизым туманом,
С неповерженным встретишься ты талисманом.

Вкруг него твой увидит дивящийся взор
Древки стрел, словно травы у сонных озер.
Но хоть стрелам, разящим орлов, нет и счета —
Здесь увидишь орлов, шум услышишь их взлета.

И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.
Пеший путник придет или явится конный —
Покоряет любого кумир их исконный.

Всадник медлит пред ним и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо.

Издали каменный идол казался большим камнем, но, приближаясь, Низами всегда невольно испытывал трепет. Грозный, суровый воин пристально вглядывался в него. Благо, его каменный меч в ножнах был совсем не опасен. Солнце медленно скатывалось за край земли. Степь багровела, а курганы с идолами казались потусторонними.

Словно природа стирала краски, желая усилить таинственность, подтвердить их мистическую силу. И грозные воины в закатных сумерках широко улыбались. Они... живые?! Неожиданно сделанное открытие не напугало Низами, он чувствовал, что в идолах нет зла. Через много веков русский поэт Хлебников испытает подобное потрясение и в поэме «Каменная баба» оставит загадочную строку: «Стоит с улыбкою подвижной».

О своем восторге, мистическом открытии, странных обрядах половцев и хотел поведать потомкам поэт Низами. Это был XII век — время наивысшего расцвета половецкого искусства и каменной пластики. Обжив многие земли, половцы всегда оставляли после себя курганы и каменные бабы. Самое ценное, чем владел этот таинственный народ, — мистическое завещание другим, что после них будут жить в Великой степи.

Не совсем верно, что половцы навсегда исчезли с арены истории. Частые набеги на Русь и военные конфликты дали толчок к взаимопроникновению. В нашей культуре они оставили ярких персонажей — Змея Горыныча и женщину-богатыря. Помните Василису Никитичну? Вот она и есть самая настоящая половчанка!

Да и не только на Руси, но и в Европе они оставили свой след. Когда пришло время уступить степь, половцы ушли в Закавказье, Египет, Македонию, Фракию, но самое видное положение было в Венгрии — там они занимали государственные посты, роднились с княжескими родами.

Кипчакский язык лег в основу казахского, татарского, башкирского, карачаево-балкарского, кумыкского и ногайского. А ведь пока жив язык, жив и его народ. Так что некоторые из нас приходятся потомками половцам, а значит, в генах живет память о том, для чего предназначались каменные бабы, и они по-прежнему выполняют свою миссию.

Кстати, а почему именно «каменные бабы»? Ведь статуи изображают мужчин, хотя иногда встречаются и женщины. По дошедшим до нас источникам известно, что половцы называли каменные изваяния «балбал», что значит «идол». Ну а те, кто пришел в степь после них, для простоты всех истуканов, независимо от пола, прозвали «бабами», а порою и «болванами». Некоторые ученые предполагают, что «баба» связана с тюркским словом «вава» — предок, дед. Вот так смешно прозванные «балбалы», они вошли в историю.

В Российской империи каменных идолов начали собирать еще с XVIII века, словно предчувствуя их непростую судьбу. По подсчетам ученых, к XX веку в степной полосе России, Южной Сибири, на востоке Украины, в Германии, Средней Азии и Монголии было обнаружено около двух тысяч каменных баб. К XXI веку их количество в несколько раз уменьшилось.

Здесь не только встает вопрос о неуважительном, потребительском отношении к предкам, нашей истории и культуре, но и тревожит то, что с исчезновением «балбалов» мы теряем возможность разгадать их тайну.

Материал, из которого изготавливался «балбал», — серый, белый и желтый песчаник, белый известняк и известняк-ракушечник, изредка — гранит. Высота — от одного до четырех метров, а вес иногда достигает нескольких тонн. Первые половецкие «балбалы» неуклюжи и примитивны — простой каменный столб с грубым изображением человеческого лица. Видимо, половцы только учились, постигали азы.

Затем что-то произошло, и мастерство скульптур стремительно начало улучшаться. Мужчины и женщины изображались стоя или сидя (до сих пор неизвестно, почему именно так и что с

данным положением тела связано), всегда с одинаковым положением рук и чашами. Благодаря точным и полным изображениям мы можем представить костюмы, украшения, оружие, материальную и духовную жизнь половцев. Каменные лица всегда плоские, но скуластые, чаще овальные, с тюркскими или монгольскими чертами. Мужчины — с усами и бородой; женские лица — круглые, полные.

На мужской шее — металлическое кольцо, у женщин — ожерелье, бусы. На руках, запястьях и плечах — кольца и браслеты. Воины-мужчины — с саблями, луками, колчанами для стрел; женщины — в богатой одежде, в платьях с орнаментальной вышивкой, в модных шляпках, с зеркальцами и кошельками у пояса. Волосы всегда заплетены в косы или уложены в сложные прически. У мужчин иногда из-под шлема выглядывают три косы.

В них крайне мало разнообразия, иногда оно проскальзывает в выражении лица. Встречаются грозные, угрюмые, суровые мужчины — они подавляют и устрашают, но есть и добродушные, с открытой широкой улыбкой. Кажется, еще немного — и «балбал» пригласит за пиршественный стол. Среди величественных женщин с развитым чувством собственного достоинства иногда бывают угнетенные, вымученные выражения лица. Что же такого они пережили, если навеки застыли в боли и тоске?

В этих странных скульптурах удивительным образом сочетаются покой и неукротимость, сила и слабость, вера в нечто запредельное и в самое обыкновенное человеческое.

Вот то немногое, что мы точно знаем о «балбалах». Тайна начинается с чаши, которую крепко держат каменные руки. Принято считать, что чаша предназначалась для праха умершего или пепла от ритуального жертвоприношения. Но тогда почему некоторые «балбалы» вместо чаш держат детей или птиц на правой руке?

Некоторые ученые уверены, что «балбалы» изображают предков (своего рода древние фотографии) и их ставили на курганах или в святилищах. Через специальные обряды душа умершего переходила в каменный истукан. Может, поэтому, если долго смотреть или проводить время среди каменных баб, появляется ощущение, что они живут, наблюдают за тобой, изучают? Неужели об этом тоже хотели сказать поэты, разделенные веками, — Низами и Хлебников?

Есть версия, что развитой погребальный культ, а также культ предков постепенно перерос в культ вождей-героев. Мирской «балбал» символизировал верховное божество Тенгри (Синее Небо). Он давал воинам силу и олицетворял отца — покровителя рода. Как правило, лицом он был обращен на восток. А женский — Умай, жена-земля, отвечала за плодородие. Вполне возможно, что каменные бабы выполняли функцию мистических стражей, защитников племени от врагов.

А вот еще одна невероятная версия — «балбал» изображал врага, который пал от руки воина-героя и был похоронен по определенному обряду для того, чтобы в загробном мире подносить чашу своему господину. Поэтому и стоят «балбалы» в степи с чашами для вечного служения воинам-героям.

Обилие предположений свидетельствует о том, что истинное предназначение «балбала» до сих пор необъяснимо. Великая степь хранит тайну. Достоверно известно об их мистическом влиянии на людей. Кто бы ни жил в степи после половцев — каменных баб почитали и им поклонялись. Иногда рядом с «балбалами» ученые находят скелеты, что не исключает и человеческие жертвоприношения. А в фольклорных сборниках сохранился обряд поклонения.

«Балбалу» клали ломоть хлеба на плечо, рассыпали у ног зерно, кланялись и говорили: «Помилуй нас, бабо. Будем кланяться еще ниже, только сохрани нас от беды!» Даже в XVIII-XIX веках, когда крестьяне находили каменную бабу, они тащили ее во двор, поклонялись ей, на праздники белили и украшали лентами.

Что же за сила влекла христиан-славян к половецким язычникам «балбалам»? Но такое отношение встречалось не везде. Зачастую каменных баб использовали как межевые знаки, угловые опоры в жилых и хозяйственных постройках. Об них точили косы, топоры и ножи. Чтобы прекратить неподобающее отношение к историческим памятникам, пришлось вмешаться царскому правительству.

Благодаря историку Дмитрию Яворницкому сохранились легенды о «балбалах», которые он тщательно записывал. По древним поверьям каменные бабы когда-то были богатырями-великанами. Однажды, разозлившись на солнце, они стали плевать в него, за что и были некой

мистической силой обращены в камень. Но в тяжелые времена они оживают и карают своих обидчиков (бедные крестьяне, точившие о них ножи!).

А по другой легенде, унесенные с курганов каменные бабы сами возвращаются на свое место. Странно, но даже в сказаниях проходит мысль о некоей жизненной силе, заключенной в каменном истукане. И с веками эта сила только нарастает.

Самая крупная коллекция каменных половецких баб находится в лапидарии Краснодарского музея имени Фелицына. Шестьдесят девять «балбал» стоят под навесом во дворе музея среди арабских и скифских надгробий. И отчего-то именно в этой «многолюдности» особо ощущается их одиночество. Они словно редкие животные, вырванные из родной стихии и помещенные в клетку, которые, погибая, не перестают думать о свободе.

Второе по величине собрание половецких баб — шестьдесят восемь «балбал» — находится в Днепропетровском историческом музее (Украина). Воины-мужчины, нарядные гордые женщины, они стоят без всякого навеса под дождем и снегом, в зной и холод. И то, с чем не смогло справиться время, делают люди. Заводы, машины, плохая экология... Это человек, не уважая себя, готов со всем смириться и все принять, а каменный истукан отказывается.

«Балбалы» разрушаются, медленно и мучительно умирают. Словно инопланетные пришельцы, с непоколебимым спокойствием взирают они на смену эпох, революции, войны. Что им слышится под открытым звездным небом? Зов Великой степи, сохранившийся в каменной памяти? Или песни ушедших в небытие кочевников? Все непонятно и в их появлении, и в мастерах, что творили и мечтали, и в их предназначении.

Но есть в Днепропетровском историческом музее еще один шедевр каменной пластики, аналогов которому в мире нет. Керносковский идол — антропоморфная стела эпохи энеолита (III тыс. до н. э.). Оно уникально во всех отношениях: и древностью происхождения, и совершенством техники изготовления, и удивительными очертаниями, и соразмерностью пропорций, и, наконец, необыкновенным богатством изображений на поверхности.

Керносковский идол

Некоторые ученые считают, что каменный идол — протоарийское божество — создатель мира, податель жизни и благополучия. Часть изображений на нем перекликается с сюжетами мифов индийского литературного памятника «Ригведа».

Свое название он получил по месту находки. В 1973 году пятеро школьников из села Керносковка Новомосковского района (Украина) случайно обнаружили его в силосной траншее. Так древний бог (если это бог) получил имя — Керносковский идол. Потом, как всегда, были перипетии с доставкой, но все разрешилось благополучно.

В этой небольшой статуе из серого песчаника (1,20x0,36x0,24 см, вес 238,5 кг) чувствуются гармоничность и благородство. Правая сторона серьезно деформирована (осталась глубокая вмятина) бульдозером. Идол представляет собой прямоугольную, достаточно объемную плиту (скорее даже блок) с небольшим выступлением сверху — головой. Все четыре стороны блока покрыты многочисленными рисунками, изображениями, выполненными в технике невысокого рельефа.

На них изображены оружие, металлические орудия труда, сюжеты охоты и ритуальных танцев, лошади, собаки, закодированные календари, меандровые узоры, разные таинственные знаки и магические символы. По бокам головы выступают небольшие уши с углублением в центре. Лицо удлинено, с выступающим подбородком, который низко опущен на грудь.

Глубоко посаженные глаза, небольшой нос, крепко сжатый рот, опущенные усы, руки — то ли он прижимает их к правой груди, то ли хочет поднести к лицу. Взгляд острый, пронзительный. В зависимости от падающего света — то безразлично-мертвый, то внимательно изучающий. Как и «балбалы», он вселяет странное чувство собственной, отдельной жизни, текущей в его каменном теле независимо от времени и эпох.

Большой научный интерес вызывает тот факт, что в нем в единую композицию объединены все известные ранее элементы: фаллическая сцена, сцена охоты, космогонические представления, символы власти. Кто его создатель? Какую идею вкладывал в свое творение? Что хотел передать потомкам?

Керносковский идол с большим успехом выставлялся в Москве (была даже предпринята попытка

оставить его там), в Италии и в других странах. Ему предоставлялся отдельный зал, делалась особая подсветка, посетители выказывали благоговение и уважение.

И странный идол с изменчивым выражением лица и неразгаданными рисунками наблюдал за потомками тех, кто его сотворил. Он пришел из эпохи неолитической революции, когда человечество в своем развитии сделало гигантский скачок. Он один из немногих свидетелей зарождения животноводства, земледелия, ткачества, гончарства, металлургии, производства оружия.

Но, видимо, было что-то еще. Ведь каменное тело, помимо известных изображений, сохранило таинственные рисунки, смысл и значение которых до сих пор не разгаданы. Он словно машина времени, сконцентрировавшая загадочную эпоху первых революционеров. Но в историческом музее ощущение путешествия во времени отсутствует напрочь.

Керносовский идол затерян среди многих других экспонатов, жмущихся друг к дружке в маленьком зале, где и людям-то не всегда хватает места. Для него нет специальной подсветки, подчеркивающей каменную древнюю красоту, отдельного зала, почитания и благоговения.

Он угрюм и мрачен. Ему не хватает света и свободы. Та же растерянность чувств и в каменных бабах. Не от мира сего, чужие и странные, они притягивают к себе, словно магнит. Широко улыбаясь или мрачно смотря исподлобья, они выполняют, наверное, свое самое главное предназначение — хранят тайны Великой степи.

